

Цинь Юэфан свысока разглядывал Фан Еиня: на фоне темных простыней его белоснежная кожа сияла, словно жемчужина в песке.

Он впервые увидел Фан Еиня в одном глухом горном селении.

Погруженный в воспоминания, Цинь Юэфан наклонился и легонько сжал тонкую талию Фан Еиня. Ощущения под пальцами были настолько приятными, что он прищурился, а на его лице появилась мягкая улыбка.

В тот день погода не задалась, и горная тропа, размытая недавним дождем, стала почти непроходимой. Раненый Цинь Юэфан вместе со своими людьми укрылся в полуразрушенной хижине на краю деревни, пребывая в крайне раздраженном настроении. Они были одеты в черные костюмы, их тела покрывали ссадины и порезы, и никто из местных жителей не решался им помочь.

Именно тогда появился Фан Еин. С волосами длинными, как у девушки, он был облачен в пожелтевшую белую рубашку, которая пустовала на его худощавом теле.

Казалось, он только что вернулся с реки: закатанные штанины обнажали белоснежные икры, влажные от воды, словно кусок нежного тофу, только что выловленный из реки. Он казался совершенно чужеродным элементом в этой нищете.

Войдя в деревню, он сразу заметил их, замер на месте и уставился на них широко распахнутыми, глуповатыми глазами.

Цинь Юэфан долго не сводил с него взгляда, а затем, словно поддавшись какому-то наваждению, поманил его рукой.

Стоило ему сделать этот жест, как остановиться стало невозможно.

Цинь Юэфан склонился над ним и мягко прошептал:

— Хорошо, что я забрел в твою деревню, иначе как бы я нашел такого маленького воробышка?

Фан Еин не ответил. Его губы под аккуратным носом были плотно сжаты, лицо побледнело, зрачки слегка расширились, а плечи сжались и мелко дрожали.

— Почему ты до сих пор так боишься?

Цинь Юэфан опустил губами к уголку рта Фан Еиня, и между ними разлилась тягучая, двусмысленная атмосфера.

Фан Еин втянул голову в плечи, но не посмел двигаться слишком активно.

В конце концов... он слишком хорошо знал себя...

Покорная нежность могла лишь ускорить момент, когда тот пресытится им. Даже понимая умом, что так будет лучше, Фан Еин чувствовал, как у него перехватывает горло, а внутри, вопреки воле, разливается ядовитая злоба.

В глубине его глаз снова проступили растерянность и самоотвращение.

Когда он переродился, то оказался в нищей деревушке, оставшись сиротой с поврежденными голосовыми связками. Ему приходилось выживать, обменивая улов рыбы на скудную еду. Он надеялся, что, используя свои знания и способности, сможет шаг за шагом выбраться из этой дыры и, как в прошлой жизни, проложить себе путь к успеху.

Но в тот день, вернувшись в деревню, он неожиданно наткнулся на группу людей, и когда человек, одновременно знакомый и чужой, поманил его рукой, разум Фан Еиня просто отключился.

Подобно тому, как Цинь Юэфана охватило наваждение, когда он манил его, так и Фан Еин, словно в забытьи, подошел к нему.

Затем была помощь с лекарствами, поиски телефона, чтобы связаться со спасателями... И в итоге — насильственный увоз и нынешнее жалкое положение.

От нахлынувших воспоминаний дыхание Фан Еиня участилось, и из его горла вырвался тихий всхлип. Тонкий, нежный, полный слез голос звучал настолько прекрасно, что Цинь Юэфан не мог перестать наслаждаться им.

Цинь Юэфан погладил нежную щеку Фан Еиня, отчего тот зашелся в еще более надрывных рыданиях, вызывающих невольную жалость.

Увы, Цинь Юэфан обожал этот момент. Казалось, будто его маленькая золотая птичка в клетке поет только для него одного.

<http://bllate.org/book/20422/2039902>